

УДК 94(470):329

**«НИГИЛИСТ» – «ПРЕСТУПНИК» – «НЕДОУЧКА»: ОБРАЗЫ
ТЕРРОРИСТА И ИХ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ,
1879–1881 ГГ.¹**

Ю. А. Сафронова

Статья, основанная на обширном круге ранее не публиковавшихся источников, затрагивает сложную проблему отношения российского общества к политическим террористам. Автор доказывает, что во второй половине XIX в. существовали различные образы этого общественного явления. Подробно рассматриваются такие трактовки участников политического подполья, как «преступники», «фанатики», «нигилисты». Особое внимание уделяется модели террориста – недоучившегося юноши, жертвы недостатков российской системы образования.

Ключевые слова: история России, политический терроризм, российское общество, образы политического подполья.

23 ноября 1879 г. ученик четвертого класса Петербургской IV прогимназии С. Рябинкин написал стихотворение «Злодеям русского государства», которое затем было отправлено директором министру народного просвещения. Юный автор, обращаясь к организаторам покушения на императора Александра II на Московско-Курской железной дороге, призывал их к покаянию, обещая в противном случае скорую смерть на эшафоте. Стихотворение было наполнено риторическими вопросами:

За что не любите царя?
Зачем в путь пагубный пустились,
Ничем как есть не дорожа?
Зачем вы, слуги везельвула,
Духовной смерти предались?²

Трудно судить, насколько искренним в своем негодовании был один из многих десятков учеников, писавших незамысловатые стихи после каждого покушения на жизнь императора. Интересно другое: в каких выражениях автор сочинения писал о террористах и какие вопросы им задавал.

В последние годы история терроризма в России привлекает повышенный интерес исследователей. Изучая террористические акты XIX и начала XX в., историки приходят к однозначному выводу об особом отношении русского общества к этому явлению: террорист был оправдан, поскольку в его действиях видели примеры «самопожертвования и героизма» [Гейфман, 1997, с. 22–23]. А. С. Баранов, автор исследований об образе террориста в русской и европейской политических культурах, утверждает, что начиная с процесса Веры Засулич русские террористы стремились воспроизводить модель «террориста-мученика», жертвующего собой ради спасения остальных [Баранов, 1998, с. 181–191]. С его точки зрения, в результате действий «Народной воли» «укоренилась положительная традиция отношения к революционно-террористическому насилию, сформировался героический пантеон, принятый значительной частью российского общества» [Баранов, 2004, с. 79]. С иных позиций подходит к этому вопросу М. Б. Могильнер. Она видит в героической «мифологии подпольной России» результат усилий публицистов и литераторов, принятый затем как обществом, так и революционерами [Могильнер, 1999].

Независимо от того, кого указанные исследователи рассматривают в качестве автора образа «террориста-мученика», они единодушны в утверждении, что именно он играл главную роль в формировании положительного отношения русского общества к терроризму.

Между тем начинающий поэт Рябинкин свободно оперирует совсем другим образом террориста, что ставит перед нами сразу несколько вопросов: какие альтернативы образу «террориста-мученика» существовали? что заставляло представителей общества выбирать определенный образ террориста? наконец, действительно ли в образе «мученика» кроется причина сочувствия террористам?

Исследование основано на материалах периодической печати, церковных проповедей, а так-

же писем и записок о борьбе с терроризмом, полученных в течение 1879–1881 гг. императорами Александром II и Александром III и высшими сановниками – М. Т. Лорис-Меликовым, Н. П. Игнатьевым, А. А. Сабуровым, П. А. Валуевым, Н. М. Барановым, Д. Н. Набоковым. Кроме того, привлекались анонимные доносы, выписки из перлюстрированных писем, дневники, частная переписка современников покушений «Народной воли» и цареубийства 1 марта 1881 г.

Терроризм в рассматриваемый период был новым явлением: сами слова «террорист» и «терроризм», в отличие от слова «террор», были неологизмами, относительно редко употреблявшимися как властями, так и самими народолюбцами [Одесский, Фельдман, 1997]. Именно в это время усилиями журналистов, проповедников, представителей общества создавались образы террориста и складывался тот набор терминов, которыми возможно было описывать исполнителя террористического акта. Этим общим языком пользовались все представители общества, однако смысл, который вкладывался в то или иное понятие, зачастую разнился – в зависимости от политических взглядов человека, который говорил или писал о покушениях на императора.

Для обозначения террористов представители разных кругов общества употребляли слово «преступник» и его синонимы («злоумышленник», «убийца» и «цареубийца»). Рассмотрение действий революционеров в рамках юридической терминологии колебалось между двумя полюсами. С одной стороны, террористы формально были «политическими преступниками». Поясняя читателям своей газеты данный термин, И. С. Аксаков писал, что «политические преступники» – это «люди, самоотверженно служащие какой-либо политической идее» [Русь, 1881]. Такое определение предполагало, что смысл террористических актов следует искать в убеждениях революционеров и тех несовершенствах российской действительности, с которыми они борются. Между тем журналисты разных направлений доказывали читателям, что террористов нельзя считать «политическими преступниками». Аргументов было множество: во-первых, у русских «нигилистов», с их точки зрения, нет «политической цели», они действуют во имя разрушения, а не созидания нового порядка [Страхов, 1881; Оса, 1879]. Во-вторых, избранный метод ставит их в исключительные условия: «люди, стреляющие из-за угла ... взрывающие на воздух ни в чем не повинных ближних – не принадлежат к разряду даже политических преступников, в которых предполагается все-таки известная доля искреннего чувства, увлечения идеей» [Вчера..., 1881].

Рассматривавшаяся в печати проблема, кажется, мало волновала русское общество. Редким исключением можно назвать записки сенатора Я. Г. Есиповича и анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову, подписанное «истинный доброжелатель». Во втором случае корреспондент министра, не приводя аргументов, утверждал: «...партия этих злодеев – сборище поджигателей, воров, убийц, грабителей, а не просто политическая партия»³. Юриста Я. Г. Есиповича, крайне негативно высказывавшегося по поводу террористов, к рассмотрению этой проблемы, очевидно, подтолкнули тянувшиеся в феврале 1880 г. переговоры русского правительства с французским по поводу выдачи Л. Н. Гартмана. В записках сенатор утверждал, что покушения на жизнь императора под Москвой «никак не может быть отнесено к тем политическим деяниям, которые в одной стране считают преступлением, а в другой – добродетелью» [Записки..., 1909, с. 495].

Действия революционеров назывались также словом «крамола», террористов именовали «крамольниками». Слово это в рассматриваемый период уже не было юридическим термином (в XVI–XVII вв. так официально называли «антигосударственные деяния» [Виноградов, 1994, с. 345–349]) и относилось к области риторики. Тем не менее оно очень точно определяло сущность происходящего как «государственное» преступление. Казалось бы, его использование должно было провоцировать рассуждения о терроризме как о «политическом преступлении»⁴. Анализ слов, употреблявшихся в качестве синонимов «крамольника» («бунтарь» [Головин, 1908, с. 367], «смутьян» [Воейков, 1911, с. 67], «разрушитель» [В(оейков), 1879, s. V]), дает отрицательный результат. «Крамола» воспринималась именно как «государственное» преступление, которому нет оправдания.

В противовес пониманию террористов как «политических преступников», к поступкам которых необходимо подходить с особыми мерками, на страницах газет их действия прямо или косвенно приравнивали к преступлениям уголовным. Например, фельетонист «Петербургского листка» сравнивал выстрелы из-за угла и подкопы с деяниями «убийц и разбойников» [Потолкуемте..., 1880; Оса, 1879]. Тот же эффект получался при употреблении слова «шайка» («шайка российских социалистов» [Потолкуемте..., 1880], «шайка нравственных уродов» [За две недели, 1881] и т.д.) для обозначения революционной организации. Наконец, если и не ставился знак равенства между

уголовными преступниками и революционерами, то утверждалось, что последние ничем не лучше первых: «...простой разбойник и обыкновенный фальшивомонетчик идут на каторгу или на виселицу, точно так же, как Соловьевы или Осинские, не выдавая своих товарищей; и это еще не великая нравственная черта» [Современные..., 1880].

Характеристика террористических актов как «чудовищных», «ужасных», «гнусных» «преступлений»⁵ свидетельствует об эмоциональном, а не рациональном восприятии террора. Юридического подхода не находим даже у профессиональных юристов. Такие разные по политическим взглядам представители этой профессии, как Н. В. Муравьев, К. Д. Кавелин или Я. Г. Есипович, высказывались о терроризме в одном ключе. Так, Я. Г. Есипович писал о покушениях 19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. как о «преступлениях, равных которым едва ли можно отыскать во всем нынешнем столетии», а об осуществивших их революционерах как о «злодеях, тайных убийцах и поджигателях», деяния которых «отвратительны» [Записки..., 1909, с. 495].

Таким образом, определение террористов как «преступников» не служило для беспристрастной констатации совершения ими противоправных действий. С его помощью выражалось негативное отношение к исполнителям террористических актов. При этом представители общества, определявшие террориста таким образом, осуждали не столько преступность террористического акта, сколько его аморальность. Попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков охарактеризовал террористические акты «Народной воли» как «неслыханные, беспримерные преступления, перед которыми бледнеют даже ужасные злодеяния парижской коммуны» [Шестаков, 1897, с. 133].

Представители общества, как либералы, так и консерваторы, также употребляли по отношению к террористам понятие «фанатик». Для них характерно соединение определений «фанатизм» и «безумие». Термин «фанатик» использовался как синоним слова «сумасшедший» в таких словосочетаниях, как «партия безумцев»⁶, «шайка безумных фанатиков»⁷ и «безумно-бешеная шайка» [Записки..., 1909, с. 304]. Рассуждая о цареубийцах в своем дневнике 4 марта 1881 г., знаменитый хирург Н. И. Пирогов, среди прочих, выдвинул версию, что убийство Александра II «есть просто зверский поступок злодея, рукою которого управляла личная скотская злоба, фанатизм, корысть, безумие» [Пирогов, 1887, с. 256]. Он же, расценивая «склонность» русской молодежи к насильственным действиям как «ненормальную», сравнивал современное ему революционное движение с «выпущенными из всех домов умалишенными, если бы сумасшествие было у всех одно и то же и делало бы всех этих мономанов солидарными при осуществлении общей им *idée fixe!*» [Там же, с. 251].

В большинстве случаев высказывания о психической ненормальности террористов не предполагали рассмотрения «этиологии болезни». Исключение составляет чиновник министерства иностранных дел, близкий к славянофилам, Г. А. де Воллан. В брошюре «Современное состояние России» (1881) он описывал процесс, который привел многих революционеров к «помешательству»: «...раздраженное до страсти желание быть полезным народу и личная несостоятельность исключали друг друга, самоуничтожались в борьбе и вызывали нравственное терзание» [Воллан, 1881, с. 57].

Чаще всего утверждения о «безумии» революционеров были простой констатацией факта. Ставился вопрос лишь о том, как «изолировать» «фанатика», обезопасив государство и общество от его разрушительной деятельности, а не о том, как его «вылечить». Подобный подход находим в письме М. Т. Лорис-Меликова цесаревичу 31 июля 1880 г.: «На исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие» [Переписка..., 1925, с. 114]. Аналогичное мнение демонстрирует автор анонимной записки, адресованной Н. П. Игнатьеву: охарактеризовав учение «нигилистов» как «бессодержательный фанатизм», он писал: «...дозревших нигилистов ...нельзя исправить, их можно только искоренить, если не смертью, то пожизненным извержением из общества»⁸.

В большинстве случаев определение террориста в качестве «фанатика» свидетельствует, с одной стороны, о негативном отношении к нему, а с другой – об отказе от оценки его действий как рациональных, обусловленных вполне определенными причинами. Свидетельством аналогичного отношения к террористам является определение террора как зла, являющегося результатом действия потусторонней, дьявольской силы, заимствованное из религиозной интерпретации покушений. Проповедники, объясняя пастве действия «Народной воли», порой называли террористов «адскими силами», «антихристовыми предтечами», которые своими поступками «изобличают себя в принад-

лежности к темному царству миродержателя века сего» [Руновский, 1880, с. 326; Мальшиев, 1880, с. 16; Речь..., 1881, с. 185–186]. Протоиерей Иоанн (Палисадов) давал практические советы, как узнать «нигилистов»: у них нет крестов и образов, а у некоторых, «как у Каина, даже на лице имеется какая-то печать отвержения» [Внутренние известия, 1879].

После покушения под Москвой в 1879 г. историк и публицист князь Н. Н. Голицын издал брошюру «По прочтении депеши», где сравнил террористов с «антихристом из евангельского пророчества» [Голицын, 1879, с. 6], князь В. П. Мещерский назвал их «исчадиями ада» [Мещерский, 1914, с. 250], П. Д. Шестаков – «исчадиями духа злобы» [Шестаков, 1897, с. 132]. После покушения 19 ноября 1879 г. ученик Орловской гимназии Александр Столыпин писал в стихотворении:

Враг человечества не дремлет
И, злобной жаждою томим,
Он гласу совести не внемлет,
И искушением своим
Спешит он сделать кровопийцу
Из сына слабого людей,
И сеет он царевубийцу
Средь русских вспаханных полей⁹.

Тем не менее подобное описание террористов было сравнительно редким не только в высказываниях светских лиц, но и в речах проповедников. Эпитеты «адский», «сатанинский» встречаются на уровне риторики, однако мало кто всерьез утверждал, что народовольцы действуют «по внушению» сатаны [Нечаев, 1881, с. 516]. Если понятия «преступник» и «фанатик» служили не только для высказывания негативного отношения к терроризму, но и для определения возможного наказания или способа борьбы, то, очевидно, с посланцами дьявола бороться было невозможно. Определения террористов в подобной терминологии стоят в одном ряду с прочими эмоционально окрашенными высказываниями о них, таких как «изверги» [Киреев, 1882, с. 4], «подонки» [Фадеев, 1890, с. 13], «варвары рода человеческого»¹⁰, «сволочи»¹¹ и др.

Следующий блок определений, констатирующий принадлежность террористов к революционному лагерю, служил для выявления идей и целей, во имя которых производятся террористические акты. Можно выделить целый ряд терминов, обозначающих как учение, которому следуют террористы, так и более широко – некое явление, суть которого заключается в эскалации революционной борьбы. К ним относятся «нигилизм», «социализм», «социал-демократия»¹², «коммунизм»¹³, «анархизм» [Сазонов, 1881], «карбонаризм»¹⁴, «антимонархизм»¹⁵. В документах эпохи встречаются самые разные сочетания этих понятий, использовавшихся в качестве синонимов. «Массы заражены нигилизмом, коммунизмом, социализмом», – писал 28 февраля 1880 г. помещик Ковенской губернии А. П. Парчевский М. Т. Лорис-Меликову¹⁶; «Нигилисты-социалисты в нашем обществе имеют все права гражданственности», – сообщал ему же «истинный доброжелатель»¹⁷. Такая нерасчлененность терминов может свидетельствовать о том, что, по крайней мере для части образованного общества, различия между «социалистами», «анархистами» и «коммунистами» были недостаточно ясны.

Если бы читатели газет попытались составить себе мнение о сущности революционных учений только из статей журналистов, они узнали бы, что она состоит в «уничтожении преобладания капитала» [Голос, 1881], «извращении всего общественного строя» [Молва, 1879; Новое время, 1881], «ниспровержении не государственного, а гражданского порядка» [Внутренний отдел, 1880]. Туманные высказывания журналистов можно было бы объяснить цензурными запретами. Аналогичные характеристики в частных документах заставляют предполагать, что у многих членов общества представления об идеологии революционеров были смутными. Следовательно, не понимались ими или понимались превратно те цели, которые поставила перед собой «Народная воля».

Для более ясного представления обратимся к анализу употребления двух самых популярных терминов, использовавшихся для обозначения террористов – «нигилисты» и «социалисты». Наиболее специфичным термином, употреблявшимся в русском обществе как консервативно, так и либерально настроенными его представителями, был термин «нигилист», не признаваемый самими революционерами, но широко закрепившийся в умах обывателей [Новиков, 1972]. О его распространенности свидетельствует не столько частота употребления, сколько бытование в самых разных слоях населения. Изобретенное литераторами, слово «нигилист» употреблялось не только петер-

бургскими гранд-дамами и генералами, но и малограмотными анонимными корреспондентами московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова («крысы агилисты»¹⁸). Полиция порой получала записки следующего содержания: «Что вы смотрите? Во вверенном вам квартале проживает нигилист Петров, который вредит государству»¹⁹.

Документы фиксируют два варианта осмысления термина «нигилист» в тех случаях, когда с его помощью рассуждали о террористах. Первый вариант предполагал хронологическое рассмотрение революционного движения в России. При таком видении «нигилизмом» называли учение 1860-х гг., отделяя его от современной «крамолы». Помощник воспитателя великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича генерал Н. П. Литвинов, размышляя о взрывах, писал в дневнике в феврале 1880 г., что современные деятели имеют мало общего с нигилистами прежнего времени [Из дневника..., 1907, с. 28]. Статский советник Н. Коковцев в записке 1880 г. выделил три периода в революционном движении: «нигилисты» – «народники» – «социалисты-революционеры» (т.е. народовольцы)²⁰.

Во втором случае термин «нигилизм» использовали для того, чтобы указать на специфические черты этого явления, в первую очередь отделить его от западноевропейского социализма. Такого мнения придерживался, например, славянофил А. И. Кошелев [Кошелев, 1881, с. 4]. «Нигилизм» понимался как «общее революционное стремление», как «отрицание всех религиозных, нравственных и гражданских оснований общества» и в этом смысле противопоставлялся социализму²¹.

Чаще других в документах эпохи встречается определение террориста через термин «социалист», которое служило народовольцам в качестве самоназвания. Следует отметить, что в юридической и делопроизводственной практике в это время закрепилось употребление терминов «общество, именующее себя русской социально-революционной партией» [Судебная..., 1880], «социально-революционные учения»²² и т.п. «Социалистами» террористов называли в тех случаях, когда необходимо было охарактеризовать сущность их идей, а также указать на их близость к европейскому революционному движению.

Необходимо разобраться, что именно понимали представители образованного общества под «социалистическими учениями», на которые возлагали ответственность за появление в России терроризма. Корреспондент М. Т. Лорис-Меликова учитель гимназии А. Клеваев начал свой труд «Опровержение лжеучений современных социалистов» с утверждения: «Что такое социализм? Весьма немногие даже из людей, получивших образование, могут дать себе ясный отчет в этом понятии»²³. Мнение его во многом справедливо. Представителям общества гораздо проще было назвать социализм «нелепым учением» [Воллан, 1881, с. 70–73], «сумасбродной галлюцинацией»²⁴, «пропагандой самого злого качества»²⁵, чем объяснить его сущность. Впрочем, некоторые из них считали, что члены революционной партии, называющие себя «социалистами», сами не знают «ни одной социалистической доктрины, не знакомы ни с политической экономией, ни с историей и философией и усваивают только кличку социалиста, как модную заманчивую вывеску, под которой гнездится чушь и глупость»²⁶. Анонимный корреспондент М. Т. Лорис-Меликова, скрывшийся под псевдонимом «заезжий тулуп», писал, что русская «крамола» есть акт «сумасбродства и варварства»: «...сонмища личностей из совершенно темной массы нахваталась идеей мира просвещенного – приняли из них только самые крайние и нелепые ...и стремятся осуществить эти идеи на деле»²⁷.

В обществе порой считали, что конечная цель «социалистов» – уничтожение частной собственности и «разрушение тех начал, которыми поддерживаются права на эту собственность»²⁸, «полная демократизация общества», «всеобщее уравнивание в отношении имущественном и общественном»²⁹ и т.п. Встречались и совсем фантастические представления: «социалисты» желают, «набив себе карманы», сделать переворот в государстве³⁰, «уничтожить... такие предметы, как религия, семья, поэзия, нравственность, философия и прочие достояния цивилизации»³¹. В одном из анонимных писем, полученных В. А. Долгоруковым, было сказано, что террористы «добиваются сделать революцию и потом республику и президента ее Константина Николаевича (великого князя, брата Александра II. – Ю. С.)»³².

Таким образом, в разных по политическим убеждениям слоях русского общества зачастую бытовали туманные представления о том, во имя каких идей действуют «социалисты». Эти представления в большинстве своем совпадали с теми, которые встречались на страницах прессы. Превратное понимание социалистических идей могло оказать серьезное влияние на формирование мнения определенной части образованного общества. В самом деле, стремление разрушить суще-

ствующий общественный порядок вряд ли могло вызвать сочувствие среди тех, чье благополучие основывалось на нем.

Многие представители общества, очевидно, не видели первопричины возникновения терроризма в неких политических или социальных идеалах. В газетных статьях можно встретить размышления о террористах как о «политических преступниках» или «фанатиках» как последователях неких идей. Когда эти термины использовались членами общества, они зачастую лишались подобного смысла. В обозначении террориста как «преступника» или «фанатика» на первый план выступали эмоции. Точно так же можно было использовать слова «нигилист» и «социалист» наравне с прочими негативными определениями: «чумной и смертельный нигилизм», «гнусный социализм»³³ и т.п.

Поиск первопричин терроризма приводил представителей общества к размышлениям о реалиях российской жизни. В центре внимания общества в этот момент были недостатки системы образования. Дискуссии о «школьном вопросе», обострившиеся в связи с покушениями 1879–1881 гг., породили образ террориста-«недоучки». Значение его невозможно оценить, ориентируясь только на материалы прессы: с 6 февраля 1880 г. было циркулярно запрещено обсуждать вопросы, связанные с существующей в России системой образования. До этого запрещения в либеральной газете «Голос» появилась статья «К школьному вопросу», автор которой, скрывшийся под псевдонимом «Педагог», писал, что «крамольниками» обыкновенно становятся «юноши-гимназисты и семинаристы, уловленные в сети, в виде увлеченных полусознательных жертв, а еще более исключенные из заведений и потерявшие надежду на карьеру и успех в жизни» [К школьному вопросу, 1879]. Только в статье «Революционные элементы и школа», опубликованной в апреле 1881 г., было прямо сказано, что «неправильная постановка» школьного дела способствует «распложению “мыслящего пролетариата”» [Революционные..., 1880].

Обращение к частным документам позволяет понять всю важность «школьного вопроса» для формирования образа террориста в 1879–1881 гг. Причину возникновения терроризма все слои общества зачастую видели в неудачном воспитании молодого поколения. Существовало убеждение, что «большинство заговорщиков – молодые, и даже очень молодые люди» [Пирогов, 1887, с. 280]. В 1880 г. В. П. Мещерский издал брошюру «Не клеветайте на молодежь». В ней публицист, ссылаясь на общее убеждение, что виновниками беспорядков является молодежь, призывал не верить «клевете», которая пущена «настоящими врагами России», чтобы возбудить ненависть к «детям и к науке» [Мещерский, 1880, с. I].

Участие молодого поколения в революционном движении было для общества чрезвычайно болезненной проблемой, так как могло затронуть практически любую семью, где подрастали дети. Автор записки «О мерах борьбы с революционным движением» утверждал: «...родители со страхом отдают в них (гимназии. – Ю. С.) своих детей... опасаясь за их будущность вследствие получаемого ими в учебных заведениях направления»³⁴. В письме к В. М. Бондаренко, перлюстрированном в канцелярии харьковского генерал-губернатора в декабре 1879 г., Е. Бондаренко жаловалась: «Сашиних трех товарищей арестовали... Я, несчастная, нахожусь каждый день в ужасной тревоге, пока Саша не придет с училища, увижу его и успокоюсь, на другой день до 3 часов опять мучусь»³⁵. Автор анонимного письма М. Т. Лорис-Меликову писал, что главный начальник – единственный человек, которому родители могут высказать «гнетущие чувства» по поводу «крамолы» и «бесконтрольного обращения с юношеством» в учебных заведениях³⁶.

Если родители терзались страхом, не выйдут ли их дети из стен школы «нигилистами», учащиеся были недовольны, даже «обижены» тем, что являлись для учителей не воспитанниками, а «поднадзорными». «Как будто нарочно наши воспитатели готовили из нас будущих подпольщиков», – вспоминал о своем обучении в иркутской гимназии в 1872–1881 гг. революционер П. А. Аргунов [Аргунов, 1931, с. 141]. Среди многочисленных анонимных писем, полученных М. Т. Лорис-Меликовым в 1880 г., особой эмоциональностью выделяется письмо выпускницы петербургского сиротского института: описав царящие там нравы, она заканчивала послание утверждением: на участие в революционном движении «нас наталкивает наше воспитание»³⁷.

В действительности речь шла не только о благополучии каждой конкретной семьи, но и о будущем всей страны. Как верно заметил автор анонимной записки «О мерах борьбы с революционным движением», смена поколений приведет к тому, что общество будет состоять из той самой молодежи, которая сейчас заподозрена в неблагонадежности. «Наша будущность зависит от получае-

мого ею (молодежью. – Ю. С.) направления»³⁸.

Восприятие террориста в качестве «недоучившегося юноши» было тесно связано с острым вопросом реформирования системы образования, в котором, в свою очередь, выделялось две взаимосвязанных проблемы: «классическая система» в среднем образовании и университетская реформа.

Главную проблему среднего образования представители общества видели во введенной при министре народного просвещения Д. А. Толстом «классической системе» [Алешиинцев, 1912; Роддественский, 1912; Ганелин, 1954; Константинов, 1956], задуманной в качестве меры противодействия распространению «крамолы». Она вызывала ожесточенную критику как либеральных, так и консервативных кругов. Анонимный автор писал М. Т. Лорис-Меликову: в то время как власть всеми силами борется с революционерами, учебное ведомство «поддерживает вредную пропаганду, выпуская в свет ежегодно тысячи людей, озлобленных на правительство»³⁹. Недовольство общества системой образования отмечали и представители администрации. Вновь назначенный в Харьковскую губернию исполняющим должность генерал-губернатора А. М. Дондуков-Корсаков указывал М. Т. Лорис-Меликову в марте 1880 г. на учебную систему как на «одни из главных факторов, уже в течение 10 лет порождающих постоянное, все растущее неудовольствие» русского общества. «Все зрелое, вполне благонамеренное и преданное правительству, поколение сходится на этой почве с учащейся молодежью. Родители и дети одинаково враждебны ей»⁴⁰.

Критика «классической системы» консерваторами и либералами значительно различалась. Критики справа сосредоточивались на том, что в целом важный и необходимый проект пресечения распространения нигилистических идей в умах молодежи оказался провальным из-за неверно выбранной стратегии. Как писал М. Т. Лорис-Меликову 16 марта 1880 г. И. Васильев, «преобразовывая школу на немецкий лад, граф Толстой предполагал принести большую пользу России и спасти общество от вредных идей. Вышло наоборот»⁴¹. Критикуя «классическую систему», консервативно настроенные представители общества предлагали собственные проекты охранения школы от «нигилистической язвы»: изменение учебной программы («дать детям благонадежное в физическом и религиозно-нравственном отношении воспитание»), учредить при женских учебных заведениях классы домоводства и практических знаний, воспитать любовь к Родине и царю путем «практического развития боевых качеств человеческой души» и т.п.⁴² и ужесточение дисциплины. Автор (или авторы) анонимного послания министру народного просвещения А. А. Сабурову в апреле 1881 г. от имени «русских отцов» просил возобновить телесные наказания в школах, видя в этом «дивно действующую и спасительную меру», способную уничтожить «заблуждение идей ложного учения»⁴³. Особенно остро стоял вопрос о религиозном воспитании молодежи, которое считалось лучшим противоядием от «крамолы». Обращаясь к проблеме веры, консерваторы констатировали: причина появления социализма заключается в «ослаблении повсюду, преимущественно же в среде учащейся молодежи, и притом в особенности в наших открытых заведениях, Религии и Нравственности»⁴⁴. Автор записки «О мерах борьбы с революционным движением» даже утверждал, что в гимназиях «ученики, воспитанные дома в страхе Божиим, должны часто скрывать свои религиозные убеждения, чтобы не сделаться предметом насмешек и презрения своих товарищей»⁴⁵.

Особенно беспокойство некоторых родителей вызывали учителя, внушающие детям «не те» идеи. 26 февраля 1880 г. служащий Главного управления по делам печати Н. В. Варадинов в записке М. Т. Лорис-Меликову высказывал убеждение, что именно «школа или педагоги ее готовят неумолимо и беспрепятственно, прямо или посредственно, материалистов, атеистов и врагов существующего у нас государственного и общественного порядка»⁴⁶. Анонимный автор «Записки о мерах борьбы с революционным движением» подробно остановился на этом вопросе: учителя и профессора – выходцы из беднейших слоев, которые в годы обучения «натерпелись нужды» и заразились «социалистическими софизмами», которым учат теперь новое поколение учеников⁴⁷.

Либеральные и консервативные критики «классической системы» сходились в осуждении излишней сложности учебной программы, «грозящей ученикам идиотизмом или чахоткой»⁴⁸. Выпускник гимназии оканчивает курс «с взглядом ребенка или гражданина древней Эллады времен Сократа», – писал С. Неклюдов⁴⁹ 18 марта 1880 г. Сложность учебной программы критиковалась прежде всего потому, что именно она была причиной массовых исключений из средних учебных заведений. По статистике, за 1874–1880 гг. полный курс в гимназиях окончило 6 511 человек, а вышло из гимназий не окончив курса 51 406 человек⁵⁰. Определение террориста как «недоучки»

было столь популярным именно вследствие убеждения, что всем исключенным из гимназий остается одна дорога – пополнять ряды «умственного пролетариата». Под этим термином понимали людей, которые, получив какое-то образование, уже не могут вернуться в среду, из которой вышли, но в то же время, не имея аттестата, не могут найти работы, становясь «одной из главных обуз государства»⁵¹. Многочисленные корреспонденты М. Т. Лорис-Меликова настаивали на том, что именно из этой среды выходят террористы⁵².

В основе протеста либералов против преподавания латыни и греческого, кроме всего вышеперечисленного, лежала одна главная причина, верно отмеченная А. М. Дондуковым-Корсаковым: в решении вопроса об образовании представители общества видели «пробный камень, дающий ему (обществу. – Ю. С.) понятие о той малой доле внимания, которое уделяет правительство его заявлениям, его самым насущным потребностям»⁵³. 2 марта 1880 г. Н. Соковкин писал начальнику Верховной распорядительной комиссии: «Россия не забудет того позорного quasi-плебисцита, путем которого Министерство народного просвещения внесло смерть, позор и отраву в русскую семью под видом классической системы»⁵⁴. Для либерально настроенных представителей общества важны были не только последствия системы Д. А. Толстого, но и сама ситуация, в которой родители не имеют права принимать решение о будущем своих детей. Либералы настаивали: необходимо «радикально изменить систему воспитания, в смысле удовлетворения всех жаждущих образования»⁵⁵, «прекратить систему выгоняний»⁵⁶, разрешить преподавание естествознания, социальных наук и права, чтобы оградить молодежь от «лжеучений»⁵⁷.

Не менее острым для представителей общества при решении проблемы корней терроризма был вопрос об университетской реформе. Активное участие учащейся молодежи в революционном движении привело к тому, что в 70–80-х гг. XIX в. слово «студент» стало синонимом «революционера» и «крамольника». Даже внешний вид студента наводил обывателей на мысли о том, что перед ними несомненный «крамольник», по карманам которого разложены бомбы [Бенуа, 1980, с. 378].

В отличие от обсуждения «школьного вопроса», когда главную проблему видели именно в системе образования, причиной студенческого протеста называли бедственное материальное положение. Решения этой проблемы предлагались разные. Более консервативно настроенные представители общества предлагали требовать с желающих получить образование в университете справку о доходах с тем, чтобы и не допускать к слушанию лекций тех, кто не обеспечен средствами⁵⁸. Либерально настроенные представители общества не считали ограничение доступа в университеты неимущим панацеей. Выход они видели в устройстве столовых, общежитий, увеличении стипендий и т.п.⁵⁹ В либеральных кругах бытовало убеждение, что борьбе с распространением крамолы, равно как и с бедственным положением учащихся, может помочь дальнейшее расширение прав студентов. Вынужденные нелегально основывать различные общества взаимопомощи, студенты волей неволей встают на путь преступлений. Если разрешить официально кассы, землячества, сходки, то «благоразумные» студенты смогут подавить «дурную часть» и повлиять на настроения всех учащихся⁶⁰. Разумеется, подобная логика была невозможна для консерваторов, настаивавших на упразднении последних элементов университетской автономии и строгом надзоре за профессорами, «чтобы они в своих аудиториях не преподавали того, что не входит в круг их обязанностей»⁶¹.

Таким образом, «школьный вопрос» в период террористической кампании 1879–1881 гг. остро стоял на повестке дня. Вследствие цензурных запретов на страницы прессы попадали лишь слабые отголоски критики справа и слева, которой подвергались «классическая система» и организация университетов. Проблема системы образования, важная для общества сама по себе, так как от ее решения в конечном итоге зависело будущее страны, в 1879–1881 гг. была тесно связана с вопросом о происхождении террористов и терроризма. Появление «умственного пролетариата» и выходящих из его рядов террористов стало едва ли не главным аргументом в пользу упразднения «классической системы». Модель террориста – «недоучившегося юноши», «недоучки» – это модель террориста, хотя бы отчасти оправдываемого безысходностью положения. В сочувствии к «заблудшей молодежи» сходились консерваторы и либералы. Первые негодовали на неверно выбранную систему ограждения молодых умов от «социалистической язвы» и дурных учителей. Вторые – на систему административного произвола, позволяющую Д. А. Толстому губить молодое поколение. Либералы настаивали: «увлечения свойственны юности», правительство же, запрещая вполне невинные действия, заставляет молодежь думать о нем как о «бесчинствующем самодуре»⁶². По-

страдавшие от несправедливых действий правительства, «заблудшие юноши» «...усиливают контингент негодяев, непрошенных ходатаев русского народа, незваных провозвестников революции и убийств»⁶³.

Народовольцы на страницах своего издания и в прокламациях никак не комментировали ситуацию в системе образования, предпочитая эксплуатировать привычный образ террориста – борца и «мученика» за идею и благо народа. При этом далеко не всегда представители общества, знавшие, что члены «Народной воли» «представляются мучениками» [Московские..., 1881], принимали предлагавшийся им образ террориста так, как того бы хотелось партии. Если Вера Засулич или Александр Соловьев являли собой террористов-героев, вступивших в противоборство с системой лицом к лицу, то использование народовольцами динамита как «последнего слова техники» порой осуждалось именно потому, что давало шанс спастись от кары правосудия исполнителю террористического акта, примерами чему служили скрывшийся за границей Лев Гартман или Степан Халтурин, в котором уже после казни за другое преступление опознали «столяра» из Зимнего дворца.

Среди всех бытовавших образов террориста именно образ «недоучки» имел наибольший потенциал оправдания террориста. Эта модель куда вернее, чем модель террориста-«мученика», созданная революционерами, привлекала симпатии людей различных политических убеждений. Она была сконструирована именно представителями общества, пытавшимися найти объяснение такому явлению, как терроризм, связав его с кризисом системы образования. Даже если террорист осуждался как «преступник», требовал изоляции как «фанатик» или вызывал недоумение или насмешку как «социалист», сам не знающий, во имя чего борется, он одновременно вызывал сочувствие как «заблудший юноша», «жертва» или даже «мученик» неверной системы образования, самое существование которой было наглядным примером отношения правительства к интересам русского общества.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда «Gerda Henkel Stiftung», грант № AZ 06/SR/08.

² Рябинкин С. Злодеям русского государства // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 850. Л. 127.

³ Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову, подписанное «истинный доброжелатель» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645. Л. 15.

⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов в 1886 г. писал, что в древнерусских судебных книгах XV–XVI вв. «крамола (верховная измена, хотя крамольниками называются иногда и ябедники) относится к числу политических преступлений» [Виноградов, 1994, с. 346].

⁵ Записка о мерах борьбы с революционным движением // ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 165а. Л. 1.; Анонимная записка М. Т. Лорис-Меликову. 19 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645. Л. 28.

⁶ Скловский – М. Т. Лорис-Меликову. 10 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 429.

⁷ Ремблинский Н. М. О способах к успешному разысканию злоумышленников // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 32. Л. 5 об.

⁸ Записка о мерах борьбы с революционным движением // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1481. Л. 5.

⁹ Столытин А. 19 ноября 1879 // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 850. Л. 98 об.

¹⁰ Астапов И. И. – Долгорукову В. А. // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 71. Д. 32. Л. 36 об.

¹¹ Анонимное заявление на имя московского генерал-губернатора // Там же. Оп. 70. Д. 4. Л. 210.

¹² Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 363 об.

¹³ Парчевский А. П. – Лорис Меликову М. Т. 28 февраля 1880 // Там же. Л. 395.

¹⁴ Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову // Там же. Д. 643. Л. 2 об.

¹⁵ Пассек П. – Лорис-Меликову М. Т. 1 марта 1880 // Там же. Д. 645. Л. 7 об.

¹⁶ Парчевский А. П. – Лорис Меликову М. Т. // Там же. Д. 642. Л. 395.

¹⁷ Замечания и мысли почетного смотрителя Василь-Сурского уездного училища, Нижегородской губернии, коллежского регистратора Агафоника Илларионовича Ситникова // ГАРФ. 102. 3 д-во. 1881. Оп. 77. Д. 896. Л. 3.

¹⁸ Анонимное письмо В. А. Долгорукову // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 71. Д. 32. Л. 71.

¹⁹ Выписка из письма без подписи, с Московской городской почты, от 19 февраля 1880 // Там же. Оп. 70. Д. 458. Л. 78.

²⁰ Коковцев Н. Записка. 15 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 396.

²¹ Записка о мерах борьбы с революционным движением // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1481. Л. 5.

²² См.: Отношение начальника Тобольского ГЖУ в Департамент государственной полиции. 15 июля 1881 // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Оп. 77. Д. 795. Л. 1.

²³ Клеваев А. Опровержение лжеучений современных социалистов // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 316.

- ²⁴ Засс А. – Лорис-Меликову М. Т. 18 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 280 об.
- ²⁵ Неклюев С. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 140.
- ²⁶ Записка о причинах, поддерживающих развитие партии социал-террористов в России, составленная обвинявшимся по политическим преступлениям Дьяковым // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 20. Л. 80 об.
- ²⁷ Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову с подписью «заезжий тулуп» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 587 об.
- ²⁸ Ремблинский Н. М. Указ. соч. Л. 2 об.
- ²⁹ Записка харьковского губернского предводителя дворянства М. Т. Лорис-Меликову. 19 декабря 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 644. Л. 1.
- ³⁰ Латкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. // Там же. Д. 642. Л. 384 об.
- ³¹ Кашкаров П. – Лорис-Меликову М. Т. // Там же. Л. 572.
- ³² Анонимное заявление на имя московского генерал-губернатора // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 70. Д. 32. Л. 98 об. Также: Заявление прусской подданной Елизаветы Августы Шмидт // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 112. Л. 5.
- ³³ Дзагилер П. Д.– Лорис-Меликову М. Т. Март 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 265; Латкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. // Л. 383 об; Копия с письма Люгешевского к Варшавскому генерал-губернатору // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 112. Л. 68.
- ³⁴ Записка о мерах борьбы с революционным движением. Л. 1.
- ³⁵ Выписки из письма от Е. Бондаренко их Харькова от 5 декабря Владимиру Михайловичу Бондаренко в Санкт-Петербург // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.
- ³⁶ Анонимное письмо с подписью «NNN» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 149.
- ³⁷ Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову // Там же. Л. 114.
- ³⁸ Записка о мерах борьбы с революционным движением. Л. 3.
- ³⁹ Записка М. Т. Лорис-Меликову с подписью «Аноним» // Там же. Д. 643. Л. 436; Также: Н. Гаврилов – М. Т. Лорис-Меликову. 17 марта 1880 // Там же. Л. 10; Ключарев С. – Лорис-Меликову М. Т. 4 марта 1880 // Там же. Л. 438.
- ⁴⁰ Дондуков-Корсаков А. М. Заметки по Харьковскому генерал-губернаторству // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 50. Л. 10 об.
- ⁴¹ Васильев И. – Лорис-Меликову М. Т. 16 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 361 об–362.
- ⁴² Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову // Там же. Д. 642. Л. 266; Записка «О необходимости открытия при институтах и женских гимназиях специального класса домоводства и практических знаний» // Там же. Л. 326; Пожаров А. – Лорис-Меликову М. Т., 3 марта 1880 // Там же. Д. 643. Л. 407–407 об.
- ⁴³ Анонимное письмо А. А. Сабурову. Получено 8 апреля 1881 // РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 81. Л. 134 об.
- ⁴⁴ Проект о мерах против социалистов под моим псевдонимом // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 399.
- ⁴⁵ Записка о мерах борьбы с революционным движением. Л. 8.
- ⁴⁶ Записка тайного советника Варадинова. 26 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 201.
- ⁴⁷ Записка о мерах борьбы с революционным движением // ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3а. Д. 165а. Л. 4–23 об.
- ⁴⁸ Докладная записка действительного статского советника Соболева о причинах революционного движения // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 69. Л. 3. Уже после отставки Д. А. Толстого, в 1881 г. в Харькове во время масленицы «представляли» Толстого: «идет бледный, худой, а за ним несут трупы умершей молодежи на носилках и идут за труппами, тоже студенты, не краше мертвецов».
- ⁴⁹ Неклюдов С. – Лорис-Меликову М. Т. 18 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 143.
- ⁵⁰ Докладная записка действительного статского советника Соболева о причинах революционного движения. Л. 2 об.
- ⁵¹ Неклюдов С. – Лорис-Меликову М. Т. Л. 143 об; Ремблинский Н. М. Указ. соч. Л. 8.
- ⁵² Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову. 19 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 386; Д. 645. Л. 27 об; Соковкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. // Там же. Д. 645. Л. 134; Ключарев С. – Лорис-Меликову М. Т. // Там же. Д. 643. Л. 438; Записка о причинах, поддерживающих развитие партии социал-террористов в России, составленная обвинявшимся по политическим преступлениям Дьяковым // Л. 79 об – 80.
- ⁵³ Дондуков-Корсаков А. М. Указ. соч. Л. 10 об.
- ⁵⁴ Соковкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. Л. 133 об.
- ⁵⁵ Ландт А. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 320 об.
- ⁵⁶ Константинов А. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645. Л. 172.
- ⁵⁷ Маурер Ф. – Лорис-Меликову М. Т. 11 сентября 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 375.
- ⁵⁸ Записка о мерах борьбы с революционным движением. Л. 22 об–23 об.
- ⁵⁹ Семевский М. И. Материалы к запискам. 1876–1886 // ИРЛИ Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 361, 386–386 об.
- ⁶⁰ Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову с подписью «Студент» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643. Л. 443.
- ⁶¹ Константинов А. – Лорис-Меликову М. Т. Л. 375 об; Анонимное письмо московскому генерал-губернатору. Апрель 1881 // ЦИАМ. Ф. 16. Д. 32. Л. 159.
- ⁶² Неклюдов С. – Лорис-Меликову М. Т. Л. 144.
- ⁶³ Соковнин Н. – Лорис-Меликову М. Т. Л. 134.

Библиографический список

- Алешинцев И.* История гимназического образования в России. СПб., 1912.
- Анонимная записка М. Т. Лорис-Меликову. 19 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
- Анонимное заявление на имя московского генерал-губернатора // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 70. Д. 4, 32.
- Анонимное письмо А. А. Сабурову. Получено 8 апреля 1881 // РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 81.
- Анонимное письмо В. А. Долгорукову // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 71. Д. 32.
- Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642, 643.
- Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову с подписью «заезжий тулуп» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову с подписью «Студент» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову, подписанное «истинный доброжелатель» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
- Анонимное письмо М. Т. Лорис-Меликову. 19 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
- Анонимное письмо московскому генерал-губернатору. Апрель 1881 // ЦИАМ. Ф. 16. Д. 32.
- Анонимное письмо с подписью «NNN» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Аргунов П. А.* В дни глубоких переживаний (Из воспоминаний о 1881 году) // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 3.
- Астапов И. И.* – Долгорукову В. А. // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 71. Д. 32.
- Баранов А. С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX веков // ОНС. 1998. № 2.
- Баранов А. С.* Терроризм и гражданское мученичество в европейской политической культуре нового и новейшего времени // ОНС. 2004. № 12.
- Бенуа А.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 1–3.
- В(оейков) Д.* Земство и призыв правительства к борьбе с революционной пропагандой. Leipzig, 1879.
- Васильев И.* – Лорис-Меликову М. Т. 16 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 345–349.
- Внутренние известия // Правительственный вестник. 1879. 5 декабря.
- Внутренний отдел // Берег. 1880. 16 марта.
- Воейков В. В.* Последние дни царствования императора Александра II и воцарение императора Александра III (Воспоминания отставного ротмистра лейб-гвардии уланского Ее Величества полка В. В. Воейкова) // Известия состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством Тамбовской ученой Архивной комиссии. 1911. Вып. 54.
- Воллан Г. де* Свободное слово о современном положении России. Берлин, 1881.
- Вчера и сегодня // Современные известия. 1881. 3 марта.
- Выписка из письма без подписи, с Московской городской почты, от 19 февраля 1880 // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 70. Д. 458.
- Выписки из письма от Е. Бондаренко их Харькова от 5 декабря Владимиру Михайловичу Бондаренко в Санкт-Петербург // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 23.
- Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1954.
- Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997.
- Голицын Н. Н.* По прочтении депеши. СПб., 1879.
- Головин К.* Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 367.
- Голос. 1881. 16 марта.
- Дзагилер П. Д.– Лорис-Меликову М. Т. Март 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Докладная записка действительного статского советника Соболева о причинах революционного движения // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 69.
- Дондуков-Корсаков А. М.* Заметки по Харьковскому генерал-губернаторству // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 50.
- За две недели // Голос. 1881. 17 марта.
- Замечания и мысли почетного смотрителя Василь-Сурского уездного училища, Нижегородской губернии, коллежского регистратора Агафоника Илларионовича Ситникова // ГАРФ. 102. 3 д-во. 1881. Оп 77. Д. 896.
- Записка «О необходимости открытия при институтах и женских гимназиях специального класса

- домоводства и практических знаний» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Записка М. Т. Лорис-Меликову с подписью «Аноним» // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Записка о мерах борьбы с революционным движением // ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 165а; Оп. За. Д. 165а; Ф. 730. Оп. 1. Д. 1481.
- Записка о причинах, поддерживающих развитие партии социал-террористов в России, составленная обвинявшимся по политическим преступлениям Дьяковым // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 20.
- Записка тайного советника Варадинова. 26 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Записка харьковского губернского предводителя дворянства М. Т. Лорис-Меликову. 19 декабря 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 644.
- Записки сенатора Есиповича // Русская старина. 1909. № 6. С. 495.
- Засс А. – Лорис-Меликову М. Т. 18 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Заявление прусской подданной Елизаветы Августы Шмидт // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 112.
- Из дневника Н. П. Литвинова, помощника воспитателя великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича // Исторический вестник. 1907. № 2.
- К школьному вопросу // Голос. 1879. 7 ноября.
- Кашкаров П. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Киреев А. Избавимся ли мы от нигилизма? Записка, поданная в 1879 году. СПб., 1882.
- Клеваев А. Опровержение лжеучений современных социалистов // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Ключарев С. – Лорис-Меликову М. Т. 4 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Коковцев Н. Записка. 15 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Константинов А. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
- Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г. М., 1956.
- Копия с письма Лютешевского к Варшавскому генерал-губернатору // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 112.
- Кошелев А. Где мы? Куда и как идти? Берлин, 1881.
- Ландт А. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Латкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Мальшев И. Речь перед молебствием по поводу покушения на жизнь Государя Императора 5 февраля // Церковный вестник. Часть неофициальная. 1880. № 11.
- Маурер Ф. – Лорис-Меликову М. Т. 11 сентября 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Мецкерский В. П. Дневник, 19 марта // Гражданин. 1914. 23 марта. № 12.
- Мецкерский В. П. Не клеветите на молодежь. СПб., 1880.
- Могильнер М. Мифология «подпольного человека». М., 1999.
- Молва. 1879. 22 ноября.
- Московские ведомости. 1881. 29 марта.
- Н. Гаврилов – М. Т. Лорис-Меликову. 17 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Неклюдов С. – Лорис-Меликову М. Т. 18 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Неклюев С. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Нечаев В. Событие 1 марта перед взором верующего. Слово во второе воскресенье Великого поста // Душеполезное чтение. 1881. № 4.
- Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972.
- Новое время. 1881. 4 марта.
- Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997.
- Оса (И. А. Баталин) Ежедневная беседа // Петербургская газета. 1879. 22 ноября.
- Отношение начальника Тобольского ГЖУ в Департамент государственной полиции. 15 июля 1881 // ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Оп. 77. Д. 795.
- Парчевский А. П. – Лорис Меликову М. Т. 28 февраля 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
- Пассек П. – Лорис-Меликову М. Т. 1 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
- Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым // Красный архив. 1925. № 1.
- Пирогов Н. И. Сочинения Пирогова. СПб., 1887. Т. 1.
- Пожаров А. – Лорис-Меликову М. Т., 3 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 643.
- Потолкуемте, читатели // Петербургский листок. 1880. 23 февраля.

- Проект о мерах против социалистов под моим псевдонимом // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
Революционные элементы и школа // Голос. 1880. 31 января.
Ремблинский Н. М. О способах к успешному разысканию злоумышленников // ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 32.
Речь, сказанная в семинарской церкви 9 марта, после Литургии, перед панихидою по Государю Императору Александру Николаевичу // Тамбовские епархиальные ведомости. 1881. № 5.
Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1912.
Руновский П. Русский народ и его враги // Руководство для сельского пастыря. 1880. № 11. Русь. 1881. 4 апреля.
Рябинкин С. Злодеям русского государства // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 850.
Сазонов А. Письма в редакцию. По поводу проектов г. Преображенского // Петербургский листок. 1881. 9 апреля.
Семевский М. И. Материалы к запискам. 1876–1886 // ИРЛИ Ф. 274. Оп. 1. Д. 16.
Скотовский – М. Т. Лорис-Меликову. 10 марта 1880 // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642.
Современные известия. 1880. 21 февраля.
Соковкин Н. – Лорис-Меликову М. Т. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 645.
Столыпин А. 19 ноября 1879 // РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 850.
Страхов Н. Письма о нигилизме // Русь. 1881. 18 апреля.
Судебная хроника // Голос. 1880. 27 октября.
Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 2. Письма о современном состоянии России. СПб., 1890.
Шестаков П. Д. Тяжелые дни Казанского университета // Русская старина. 1897. № 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.10.2010